

Если в Петербурге Гумилев грезил Африкой, то в Африке – Петербургом. Ему часто снилось кафе «Бродячая собака» с его богемными ночными бдениями и «Свиной книгой», в которой каждый из посетителей считал за честь расписаться и оставить отзыв.

Как далеко сейчас от Гумилева было это кафе, как далек был сам Санкт-Петербург.

Когда усталость наваливалась на него и от гавканья гиен, воя шакалов, рычания львов становилось тошно, он затыкал ватой уши и старался провалиться в сон. И если это ему удавалось, то все звуки словно бы погружались в вагную плоть, и он видел во сне снег: высокие голубоватые сугробы, дымы печей, вертикально устремляющиеся из труб вверх, в бледноватое, словно бы подсвеченное изнутри небо, засыпанные снегом дворы, соединяющиеся между собой переходами, каких-то веселых шумных людей, что проходили совсем рядом с ним, иногда бросали на него ничего не значащий взгляд, толкали в плечо, поскольку на дорожке было тесно, но Гумилев этих толчков не ощущал, он привычно пробирался к знакомому входу в подвал, куда вели десять посыпанных песком ступеней, а обитая простой клеенкой дверь напоминала вход в коммунальную квартиру, в которой жили рабочие вагоноремонтного депо Николаевской железной дороги.

Кафе «Бродячая собака» считалось одним из самых популярных в

«БРОДЯЧАЯ СОБАКА»

Так называлось самое популярное кафе Санкт-Петербурга начала века. О Гумилеве и об этом кафе, о литературной и «вечерней» жизни той поры идет речь в новом романе Валерия Поголяева «Жизнь неординарного человека», который выходит в издательстве «Армада».

Петербург, туда было трудно попасть. Оно являлось принадлежностью странного Общества интимного театра, каждого гостя встречал сам Борис Пронин – владелец кафе, сияющий, громкоговорящий, хорошо выбритый, благоухающий «о де колонном», с ярким большим галстуком, повязанным подakraхмаленным воротником белоснежной рубашки, тем, кто появлялся в «Собаке» в первый раз, он вручал свои визитные карточки. На карточке так и было написано: «доктор эстетики гонорискауза», и что это было такое, толком не знал никто, даже сам Пронин.

Посторонних людей в кафе звали «фармацевтами». С «фармацевтов» за вход Пронин брал три рубля, а также – две рекомендации от постоянных членов Общества интимного театра, если этого не будет, официант ни за что не обслужит, даже если за столом в «Собаке» будет сидеть сам начальник тайной канцелярии российского императора или министр внутренних дел господин Хво-

стов; со своих, с богемы брали по полтиннику.

Стены в «Собаке» были расписаны лучшими петербургскими художниками, комнат в кафе имелось всего три – буфет и две «залы», в главной зале вместо лостры висел обычный обруч, снятый с пивной бочки и выкрашенный в золотой цвет. Столы были низкие, табуретки соломенные.

С эстрады поэты читали стихи, кто-нибудь обязательно усаживался за рояль. При этом оркестр не прекращал играть – и стихи, и рояль как-то странно уживались с оркестром, не мешали друг другу, скорее наоборот – дополняли, в «залах» было дымно, каждый подвыпивший творец после того, как принимал «на грудь» граммов триста водки, непременно объявлял себя гением. Новоявленные гении становились в очередь, чтобы сделать запись в «Свиной книге».

Книга эта была похожа на солидный средневековый рукописный фолиант, размерами своими напоминающий сундук для хранения дамских

принадлежностей, переплетенный в толстую пеструю кожу. Один человек поднимал эту книгу с трудом. Справляться с ней надо было вдвоем.

И чего только там не писали! В книге были и стихи – это прежде всего, и жалобы, и объяснения в любви, и отчеты о том, сколько было съедено и выпито за столом, и бухгалтерские выкладки, и рисунки, и даже рецепты от запоя. Это делали специально для заместителя Пронина, вечно пьяного и малоподвижного композитора Цыбульского, носившего странное прозвище Граф О'Контрээр. Но из состояния хронического запоя Цыбульского не сумел вывести еще никто.

Расходились обычно утром, последними «Собаку» покидали Гумилев с Ахматовой, они жили в Царском Селе и им до дома надо было добираться на поезде. Гумилевых всегда провожала на вокзал большая компания.

Как-то остановились на Аничковом мосту. Один из провожавших

торжественно объявил, что сейчас он оседает чужунного коня. Слова у него не разошлись с делом и через несколько минут он уже сидел верхом на скульптуре. И хотя было еще темно и безлюдно – стрелки показывали половину седьмого утра, а по широкому Невскому проспекту мела лихая поэмка и ничто, в общем-то, не предвещало осложнений, из какой-то малоприметной подворотни не замедлил вылезти городской.

Распушив усы, он что было силы гаркнул на пьяного седока, — это был Сергей Клычков, — потребовал, чтобы тот сию же секунду слез с коня, а затем заявил, что должен немедленно доставить его в околоток. Ситуация создавалась шекотливая. И тут словно бы проснулся вечно сонный и вечно пьяный Цыбульский, он надул щеки и, грозно выпятив грудь, начал наступать на городского:

— Да ты знаешь, милейший, с кем имеешь дело? – громкий возмущенный голос его был слышен едва

ли на половине Невского проспекта. – Как смеешь ты дерзить обер-офицерским детям?

Выступление Цыбульского возымело действие, а пассаж насчет обер-офицерских детей вообще поверг городского в бегство – он не замедлил исчезнуть в той же подворотне, из которой и возник.

Гумилев тоже как-то приложил к «Свиной книге», оставил там свой автограф – пустожовое двустушище. Двустушище тут же перечеркнула чья-то дружеская «резолуция»: «Великий синдик Гу поставил точку на лугу», украшенная вместо печати жирной кляксой.

Однажды в «Собаке» появилась прелестнейшая женщина – актриса Ольга Высотская, — и Гумилев, не смотря на то, что с ним находилась жена, умудрился завязать с ней флирт. Флирт перерос в роман. От этого романа у Высотской родился сын Орест.

Случалось, Гумилев вспоминал об Оресте, но долго в голове не держал – устало выплескивал из памяти...

Все это снилось ему в Африке: питерская зима, «Бродячая собака», даже Высотская с сыном, которого он никогда не видел, — вызывало внутреннее щемление, слезы, от одуряющей жары он чувствовал себя плохо и его тянуло домой, в Петербург, к друзьям, в дурацкое кафе с бесшабашным Борей Прониным, в журнал «Аполлон», на тамошний чай с коньяком...

Взвзг клуб. - 1999. - 27 февр. - 9 11.